

УДК 001

## Теоретико-методологические основы исследования символической политики

**Головашина Оксана Владимировна**

Кандидат исторических наук, доцент,  
доцент кафедры философии и методологии науки,  
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,  
392000, Российская Федерация, Тамбов, ул. Интернациональная, 33;  
e-mail: govgolovashina@mail.ru

Исследования выполнены по результатам работ, поддержанных Грантом Российского фонда фундаментальных исследований № 19-011-31066 опп «Символическая политика в современной России: глобальные риски, гражданская идентичность и векторы исторической памяти».

### Аннотация

Предметом исследования в предлагаемой статье является символическая политика и теоретико-методологические основы ее изучения. Автор отмечает сложности, которые связаны с междисциплинарностью этого феномена, анализирует уже сложившиеся подходы к осмыслению символической политики (построенные на идеях М. Эдельмана, У. Сарцинелли, О.Ю. Малиновой) и предлагает использовать ресурсы социальной теории, в частности идеи Пьера Бурдьё и Брюно Латура для исследования тех аспектов символической политики, которые остаются за пределами внимания сторонников классических подходов. Автор использует аналитико-синтетический метод философского исследования, анализируя ресурсы предлагаемых теорий, выделяя из них то, что может быть эффективно использоваться при осмыслении различных аспектов символической политики. Впервые проанализированы возможности использования идей П. Бурдьё и акторно-сетевой теории для изучения символической политики. Автор доказывает, что ресурсы Бурдьё позволяют рассматривать символическую политику с учетом сложившихся социальных структур. Акторно-сетевая теория необходима для исследования агентности самих символов и последствий их использования.

### Для цитирования в научных исследованиях

Головашина О.В. Теоретико-методологические основы исследования символической политики // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 1В. С. 353-360.

### Ключевые слова

Символическая политика, социальная теория, Пьер Бурдьё, Брюно Латура.

## Введение

Символическая политика представляет собой междисциплинарное поле исследований на стыке политологии, истории, культурологии, философии, социологии. С одной стороны, символическая политика может выступать определенной «зонтичной» категорией, но с другой – междисциплинарность этого феномена приводит к определенным трудностям в его изучении. Рассмотрим эти трудности подробнее. Во-первых, представители разных наук придерживаются своих целей исследования, ставят разные задачи и, соответственно, могут прийти к – иногда – противоположным выводам при исследовании одного и того же феномена.

## Основное содержание

Используя методологию частных наук, авторы зачастую не могут выработать общие основания, которые будут выступать в качестве фундамента для диалога, а важные результаты, полученные, например, политологами, остаются за пределами внимания философов, занимающихся сходной проблематикой. Во-вторых, междисциплинарность феномена выступает условием возможности и допустимости переноса категорий одной науки на поле другой (на что, например, обратил внимание М.В. Ильин), но зачастую это происходит без необходимой в таких случаях адаптации. Так как демаркация отдельных дисциплин происходит при помощи специфического языка описания, характерного для той или иной области знаний, диалог представителей различных наук, а также результаты работы исследователей требуют специального перевода. Можно ли говорить о символической политике как об одном из вариантов идеологии? Как связана символическая и историческая политика, какое место среди них может занимать политика памяти, исследование идентификационных рисков, социальной сплоченности? Ситуация осложняется тем, что сам термин «символическая политика» используется не только в научном, но и политическом, публицистическом дискурсе, что приводит к размыванию семантического поля исследований. Это приводит ко второй важной проблеме изучения символической политики – отсутствию четкой дефиниции этого феномена. Символической может быть сама власть, отдельные действия, конфликты и капитал, а под «символом» может иметься ввиду нарратив, образ, миф, идея, представление и т.д. Журналисты, общественные деятели и т.д. часто ориентируются на специфические для своего направления цели обращения к каким-либо аспектам символической политики (например, ответ на повестку, легитимация сложившейся или складывающейся ситуации, стремление вызвать определенную эмоциональную реакцию и т.д.), следовательно, используют необходимые им методы и приемы, не соответствующие этике и эпистемологии науки. Эти подходы могут быть использованы профессиональными исследователями как источники, но не как эпистемологическая оптика. Поэтому, особая ответственность здесь лежит на профессиональных исследователях, создающий тот язык описания, который в дальнейшем будет использоваться актерами символической политики и ее объектами.

Методология исследования символической политики, как правило, опирается на разнообразные методики анализа различных массивов текстовых и визуальных данных (контент-анализ, дискурс-анализ, интерпретации данных социологических опросов, качественных исследований, материалов социальных сетей и т.д.). Однако такой подход связан с рядом проблем. Во-первых, может возникнуть путаница между инструментом самой символической политики и методологией ее изучения. Во-вторых, без продуманной

теоретической оптики, анализ этих данных приводит к разным, зачастую, не верифицированным результатам. Поэтому далее мы будем акцентировать внимание на возможных теоретических рамках для анализа символической политики.

В предлагаемой статье мы, не претендуя на четкую концептуализацию символической политики как объекта изучения, обратимся к методологическим аспектам исследования этого феномена. Мы рассмотрим, какие существуют подходы к исследованию символической политики сейчас и в чем состоят возможные трудности их использования. Мы предполагаем, что опора на социальную теорию позволит сохранить возможности междисциплинарного изучения символической политики, но будет способствовать более четкой дефиниции как самого феномена, так и отдельных его проявлений.

Несмотря на то, что символическая политика имеет довольно долгую историю, ее изучение началось сравнительно недавно. Признанный большинством ученых основоположником исследований символической политики М. Эдельман опирался на психологические основы изучаемого феномена и прагматическую теорию языка, а также использовал уже сложившиеся подходы в исследовании коммуникаций и символическом интеракционизме. Это позволило ему отойти от спекулятивной политической философии в сторону эмпирического анализа символов, а саму политику Эдельман видит как определенную «символическую форму» [Edelman, 1964, 2], меняющую восприятие граждан политической реальности, их ожидания и, следовательно – поведение. Благодаря его идеям анализ политического вышел за границы рационального выбора и линейных взаимодействий решений и их последствий. Несмотря на то, что исследования символической политики обращаются к Эдельману как к основоположнику, предлагаемый им подход не стал основой новой научной школы. У. Сарцинелли продолжает делать акцент на языковой природе символической политики, однако включает в так называемый «символический мир» также стратегии, мифы, художественные формы. В отличие от этих исследователей, О.Ю. Малинова подчеркивает, что символическая политика является частью реальной политики, определяя ее как «деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» [Малинова, 2010, 91], причем, это процесс «нацеленный не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов» [Поцелуев, 1999, 62]. Подобная трактовка расширяет предметное поле исследователей и позволяет переосмыслить некоторые аспекты современной политической ситуации.

Как показал краткий анализ литературы, в основном, исследования символической политики предполагают обращение к теоретикам коммуникаций, семиотикам, аналитической и прагматической традиции. Из-за отсутствия консенсуса по поводу самого предметного поля, имеет смысл говорить о сложившихся методологических подходах: дискурсивном, культурно-антропологическом, коммуникативном, нормативном, которые отличаются друг от друга теоретико-методологическими основаниями. Методологические споры специалистов ограничиваются сферой исследовательской оптики и выбора теоретических ресурсов. Проблема осложняется тем, что символическая политика не только опосредует определенные формы активности политических акторов, но и конструирует эти формы и политическую действительность вообще. При этом, как правило, концептуализации «символической политики» не происходит, хотя мы можем постараться определить ее предметное поле через осмысление «социального производства представлений, определяющих смысловые рамки восприятия социальной реальности». Это позволяет нам опираться на ресурсы социальной теории (в частности, идеи П. Бурдьё и Б. Латура) для изучения символической политики.

В качестве классического подхода мы будем использовать некоторые идеи, предлагаемые нам П. Бурдьё, выводы которого, как показывает практика, могут быть использованы в различных социальных науках, а язык его теории понятен исследователям различных смежных дисциплин. Интерес Бурдьё к исследованию символического пространства, символической власти и т.д. стал дополнительным основанием обращения к ресурсам его теории для осмысления методологических аспектов изучения символической политики. Для конструктивиста Бурдьё конструирование символического поля – это не манипуляция, а практически аналогично конструированию реальности. Речь идет не столько о создании образов или трансляции нужных способов интерпретации этих образов, а об изменении реальности посредством них. Такой подход позволит сблизить исследования символической и «реальной» политики, а производство образов, интерпретаций и т.д. можно в дальнейшем изучать как один из вариантов политического действия.

Символ – это посредник между человеком (сообществом) и условной реальностью (в данном случае – политической). Для того, чтобы символы исполняли свою роль, они должны быть поняты сообществом и разделяемы его представителями. Одной из важных тем исследования для Бурдьё стали «категории восприятия социального мира» [Бурдьё, 2007, 23], производство, трансформация, изменения которых выступают в качестве одной из целей символической политики [Малинова, 2015]. Символ, таким образом, лежит в основе символической власти, а также таких ее составляющих, которые Бурдьё выделяет на основе эмпирических исследований: «экономический капитал в различных его формах, культурный капитал и символический капитал», а также «символический порядок». Рассмотрим эти категории подробнее. Символический порядок – это определенная производная от индивидуальных символических капиталов. Символический капитал, в свою очередь, связан с доверием, признанием статуса со стороны других составляющей общей структуры. То есть, символический капитал можно трактовать как операционной по отношению к символической политике, его размер позволяет, при учете других факторов, оценить возможности успешности мероприятий символической политики. В качестве другого фактора Бурдьё называет соответствие предлагаемых представлений действительности: если «символический капитал есть не что иное, как экономический или культурный капитал, признанный субъектами в соответствии с утверждаемыми ими категориями восприятия, то символические властные отношения стремятся воспроизвести и укрепить реальные властные отношения, составляющие структуру социального пространства»; символическая власть, таким образом, это «власть учреждать данность через высказывание, власть заставлять видеть и верить, утверждать или изменять видение мира и, тем самым, воздействие на мир, а значит, сам мир...» [Бурдьё, 2007, 95].

Несмотря на постоянный интерес к проблемам власти, Бурдьё подчеркивает, что легитимация не может интерпретироваться исключительно в качестве результата пропаганды или какого-либо другого символического воздействия, а представляет собой «следствие соответствия объективных структур социального мира и порождённых ими структур восприятия и оценки». Это не значит, что теоретическая рамка Бурдьё не может быть использована для исследования символической политики, наоборот, он призывает к анализу не только действий, осуществляемых политическими агентами, но и учету значения сложившихся социальных структур, детерминировавших рамки восприятия различных агентов. Борьбу за формирование общественного сознания на символическом уровне Бурдьё отождествляет с правом обозначать какие-либо появившиеся объекты или переименовывать существующие. То

есть, сохраняя тенденцию к изучению дискурса в анализе символической политики, заложенной основоположниками этого направления, он более четко обозначает, что имеет в виду.

В отличие от представлений Эйдельмана, теоретическая рамка Бурдьё позволяет избежать дихотомии объекта и субъекта. Понятие «агент» связано с системой практик, реализации стратегий. Главный атрибут агента – его активность, способность действовать. При этом важно, что действия агентов нельзя назвать полностью рациональными, разумными, подчиненными какой-либо цели, так как их действия определяются габитусом, практиками и т.д. Это точка зрения представляется нам более адекватной, чем ссылки на целеполагание и рациональное решение. Причем, опираясь на некоторые суждения Бурдьё, мы можем сделать вывод, что роль тех или иных агентов символической политики будет отличаться в зависимости размера их символического капитала, который позволяет с той или иной степенью успешности навязывать свою точку зрения. При этом, важно подчеркнуть, что агенты в системе Бурдьё более активны, чем структура. Таким образом, его подход позволяет, отдавая должное активности агентов, учитывать влияние среды, в которой эта активность осуществляется. Недостаточно только исследовать какие-либо символы, действия, осуществляемые агентами, необходимо учитывать то поле, конфигурации социального пространства, в котором эти действия осуществляются. Подход Бурдьё позволяет выявлять скрытые, если анализировать с позиции субъект-объектной дихотомии, структуры, влияющие на политические действия, конструирующие политическую реальность. Поле символического всегда представляет собой конкуренцию различных сфер с различными представлениями о легитимном и собственных интересах. Бурдьё призывает к учету влияния различных полей (политика, экономика, религия, спорт и т.д.), соответственно, политика, в том числе символическая, у Бурдьё не ограничивается только хрестоматийным определением политического, а позволяет учитывать влияние других факторов.

Еще одним ресурсом, применение которого мы рассмотрим в рамках данной публикации, является акторно-сетевая теория (Б. Латур, М. Каллон). Обращение к ней было обусловлено современными трактовками символической политики, исследователи которой «пробовали взглянуть на взаимосвязи между общественным сознанием и поведением, не устанавливая жестких границ между субъектом и объектом, индивидуальным и коллективным, материальным и идеальным и не отдавая предпочтения “объективным” методам, основанным на стандартизированном наблюдении, перед неизбежным “субъективизмом” интерпретативных подходов». В основе акторно-сетевой теории лежит допущение (характерное и для других «плоских» онтологий) [DeLanda M, 2013, 51], что социальное представляет собой не иерархичный порядок институтов, сфер и т.д., а сеть равнозначных элементов – акторов. Равнозначность в онтологическом плане не означает, что все акторы обладают одинаковой способностью влиять на другие акторы и изменения окружающей действительности, так как изначально равные возможности могут привести к различным результатам. В зависимости от того, с каким количеством других акторов связан какой-либо элемент, сила его влияния будет отличаться. Однако существующая здесь и сейчас ситуация может измениться – и действительно, постоянно меняется: образуются новые сети, новые действующие, меняется значение и роль прежних. Задача исследователя в этом случае «следовать за акторами», то есть, не стремиться к построению всеохватных схем, больших теорий, объясняющих действия акторов, а, как муравей (*ant* – это и муравей, и аббревиатура акторно-сетевой теории на английском языке), находиться среди акторов и описывать их. Таким образом, Латур предлагает не создавать теорию символической политики, а обращать внимание на конкретные мероприятия, символы, действия отдельных акторов и их последствия. В соответствии с этими

представлениями, акцент переносится с обоснования и объяснения символической политики вообще на ее значимые элементы. При этом актором является только тот, кто действует – если активность актора незаметна, значит, невозможно говорить о чем-либо как об акторе. То есть, соглашаясь с тем, что символическая политика осуществляется только в публичной сфере [11], мы, опираясь на акторно-сетевую теорию, подчеркиваем, что любая сфера действий акторов оказывается публичной. Ключевым становится понятие связь. «Быть» – значит действовать, вступать во взаимодействие: «объекты являются “производными” некоторых устойчивых множеств или отношений». При этом «ни одна конкретная структура отношений не является привилегированной. Это означает, что текущие объекты сохраняют свою идентичность в процессе образования новых отношений» [Ло Д, 2006, 236].

АСТ, в отличие от топологического подхода Бурдьё, не представляет собой конструктивизм в хрестоматийном его понимании. Актеры реальны пока они актеры (действуют). В соответствии с этим тезисом, вещь в представлении Б. Латура становится тем более реальной, чем большей цепью ассоциаций она связана. При этом, реальность касается не только привычных материальных предметов, но и идеальных. То есть, символы как объект в классических трактовках символической политики, с позиции АСТ оказываются действующим субъектом. Действуют таким образом, не политики, транслирующие какие-либо символы, а сами эти символы обладают агентностью и влияют на сеть. Дело не в достоверности теории, а в той сети взаимодействий, которая вокруг нее формируется, то есть, в акторах. «Все делают сами актеры, в том числе свои собственные рамки, теории, контексты, свои собственные метафизики, даже свои собственные онтологии...» [Латур, 2014, 205]. Поэтому исследователь, «следуя за акторами», изучает не политиков или реакцию населения на какие-либо мероприятия символической политики, а сами эти мероприятия или отдельные символы, если они являются акторами. Человек (политик) в соответствии с этими теоретико-методологическими основаниями, значит не больше – но и не меньше – чем символ сам по себе, не важно, имеет ли он материальный носитель (флаг, вечный огонь) или нет (Москва – третий Рим).

В отличие от Бурдьё, у которого агенты оказываются носителем практик, и классических теориях, Латур не рассматривает актер вне сети. Как и сети рыбака, связи, которые изучает АСТ, фиксируются эмпирически, их прослеживание («создание») требует усилий и они оставляют пустым почти все, что не связано с ними, но «вы можете вывесить свою рыболовную сеть на просушку, но не можете просушить актер-сеть: ее придется проследить заново, с помощью другого средства передвижения, другой циркулирующей сущности». Использование «сети» позволяет избавиться от ограничений пространственных метафор, которые обусловили сложность исследований общества и природы: далекое/близкое, локальное/глобальное, внутреннее/внешнее [Latour, 1996, 371-373]. Следовать за актором – это описывать его связи, отношения, действия. Таким образом, в центре внимания оказывается не столько сам актер, сколько образуемая им и с ним сеть.

## Заключение

Символическая политика оказывается не набором значимых символов, а взаимодействием значимых элементов, в качестве которых могут оказаться не только символы сами по себе, но и те, кто их транслирует, воспринимает, преобразует и т.д. Такой теоретико-методологический аппарат позволяет рассматривать последствия мероприятий символической политики вне оценки линейных последствий.

Таким образом, мы исходим из того, что исследования символической политики должны опираться на строгую теоретическую рамку, способствующую четкой дефиниции используемых категорий и анализу и осмыслению результатов эмпирических исследований. Опора на работы П. Бурдьё позволяет рассматривать символическую политику через категории символической власти, символического пространства, символических ресурсов и т.д.; с учетом сложившихся социальных структур. Теоретико-методологические ресурсы, предлагаемые Б. Латуром, позволяют исследовать агентность самих символов и последствия их использования, а также влияния сети отношений на отдельные символы и символическую политику вообще.

### Библиография

1. DeLanda M. *Intensive Science and Virtual Philosophy*. London; New Delhi; New York; Sydney: Bloomsbury, 2013.
2. Edelman M. *The symbolic uses of politics*. Urbana: Univ. of Illinois press, 1964. 201 p. 3.
3. Latour B. A few clarifications plus more than a few complications // *Soziale Welt*. 1996. Vol. 47. P. 369-381.
4. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/883> (дата обращения: 20.10.18).
5. Бурдьё П. *Социология социального пространства*. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
6. Ильин М.В. Семиотика как основа изучения языка политики и развития дискурс-анализа // *Дискурс-Пи*. 2015. Т. 12. № 1 (18). С. 43-47.
7. Латур Б. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 382 с.
8. Ло Д. Объекты и пространства // *Социология вещей*. М.: Территория будущего, 2006. С. 223 – 243.
9. Малинова О.Ю. Миф как категория символической политики: анализ теоретических развилки // *Полис. Политические исследования*. 2015. № 4. С. 12-21
10. Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // *Полис*. 2010. № 2. С. 90-105.
11. Малинова О.Ю. Символическая политика контуры проблемного поля // *Символическая политика*. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 5-16.
12. Поцелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // *Полис. Политические исследования*. 1999. № 5. С. 62.
13. *Рукописи не горят! Введение в рубрику «Символическая политика»* // *Полис. Политические исследования*. 2015. № 4. С. 9-11.
14. Сарцинелли У. *Личность и политика* // *Политика и личность* / под ред. Й. Поллака, Ф. Загера, У. Сарцинелли, А. Циммер. Харьков: Гуманитарный Центр, 2012. С. 17-35.

### Theoretical and methodological foundations of the study of symbolic politics

**Oksana V. Golovashina**

PhD in Historical Sciences,  
Associate professor,  
Associate Professor at the Department of philosophy and methodology of science,  
Tambov State University named after G.R. Derzhavin,  
392000,33, Internatsionalnaya st., Tambov, Russian Federation;  
e-mail: ovgolovashina@mail.ru

### Abstract

The subject of this article is the symbolic policy and the theoretical and methodological foundations of its study. The author notes the difficulties that are associated with the interdisciplinarity of this phenomenon, analyzes the already existing approaches to understanding

symbolic politics (built on the ideas of M. Edelman, U. Sarcinelli, O.Yu. Malinova) and suggests using the resources of social theory, in particular, the ideas of Pierre Bourdieu and Bruno Latour to study those aspects of symbolic politics that remain beyond the attention of proponents of classical approaches. The author uses the analytical-synthetic method of philosophical research, analyzing the resources of the proposed theories, highlighting from them what can be effectively used to comprehend various aspects of symbolic politics. For the first time, the possibilities of using the ideas of P. Bourdieu and actor-network theory to study symbolic politics are analyzed. The author argues that the resources of Bourdieu allow us to consider symbolic politics, taking into account the existing social structures. Actor-network theory is necessary to study the agentness of the symbols themselves and the consequences of their use.

### For citation

Golovashina O.V. (2019) Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya simvolicheskoi politiki [Theoretical and methodological foundations of the study of symbolic politics]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (1B), pp. 353-360.

### Keywords

Symbolic politics, social theory, Pierre Bourdieu, Bruno Latour.

### References

1. Ilyin M.V. (2015) Semiotics as the basis for the study of the language of politics and the development of discourse analysis // *Diskurs-Pi*. V. 12. No. 1 (18). S. 43-47.
2. Edelman M. (1964) *The symbolic uses of politics*. Urbana: Univ. of Illinois press, 201 p. 3.
3. Sarcinelli W. (2012) *Personality and Politics* ed. J. Pollack, F. Zager, W. Sarcinelli, A. Zimmer. Kharkov: Humanitarian Center, S. 17-35.
4. Malinova O.Yu. (2010) Symbolic politics and the construction of macro-political identity in post-Soviet Russia *Policy*. No. 2. S. 90-105.
5. Kisses S. P. (1999) Symbolic politics: the constellation of concepts for approaching the problem Polis. *Political research*. No. 5. P. 62.
6. (2015) Manuscripts do not burn! Introduction to the rubric "Symbolic politics" *Policy*. *Political research*. No. 4. C. 9-11.
7. Bourdieu P. (2007) *Sociology of social space*. St. Petersburg: Aletheia, 288 s.
8. Malinova O.Yu. (2015) Myth as a category of symbolic politics: analysis of theoretical forks Polis. *Political research*. No. 4. C. 12-21
9. Bourdieu P. Social space and symbolic power // URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/883> (accessed: 10.20.19).
10. DeLanda M. (2013) *Intensive Science and Virtual Philosophy*. London New delhi; New York; Sydney: Bloomsbury,
11. Malinova O.Yu. (2012) Symbolic politics contours of the problem field // *Symbolic politics*. Vol. 1. The construction of ideas about the past as an imperious resource. M.: INION RAS, S. 5-16.
12. Law D. (2006) Objects and spaces // *Sociology of things*. M.: Territory of the Future, S. 223 - 243.
13. Latour B. (2014) *Reassembly of the social: an introduction to the actor-network theory*. M.: Publishing. House of the Higher School of Economics, 382 p.
14. Latour B. (1996) A few clarifications plus more than a few complications // *Soziale Welt*. Vol. 47. P. 369-381.